

судьбы и говорить не приходится...
тем Нобелевскую премию...

Бог с ней, с премией. Ахматову хоть знают. Гайдара же упорно стараются забыть. Что касается Запада – все понятно. Там даже Николая Носова не знают, им непонятна наша детская литература. Они считают ее излишне жестокой, наш юмор им чужд. Но Гайдара упорно стараются забыть именно в своей стране. Для одних он – проклятый кровавый большевик, палач, патологический каратель. Для других –

знаете, о чем он пишет. Или Зошенко. В рассказах – фейерверк юмора. В жизни – угрюмый мрачный господин. Так и Гайдар – очень добрый детский писатель. По-настоящему добрый. Не дешевая сентиментальность и ложная романтика, как в худшей советской книге «Алые паруса», не псевдодоброта, как у многих советских детских писателей, а серьезная и ответственная доброта взрослого человека. Брежнев взрослый человек.

Всадник, скачущий впереди.

Владимир Фидман. Да здравствует Красная Армия. 1920 г.

Кому в Ад, кому – в Рай

Юрий Кузнецов: «Поэту дано внутреннее зрение»

На исходе прошлого года ушел из жизни поэт Юрий Поликарпович Кузнецов. В последнее время он работал над циклом поэм о Христе и христианстве. Отдавал этому труду всего себя. Случилось, что за три дня до смерти к поэту заехал давний друг, литературный критик и публицист Владимир Бондаренко. Разговор шел под запись. Последнюю в жизни поэта. Мы публикуем ту часть беседы, где речь идет в основном о поэме Кузнецова «Сошествие во Ад» и поэме «Юность Христа».

– Почему ты взялся за поэмы о Христе? Ты хорошо знаешь античность, поэзию Возрождения, нашу духовную литературу, перевел «Слово о законе и благодати» Митрополита Илариона. Понятен твой интерес к Христу, но как не переступить богословский канон?

– Во второй части поэмы «Юность Христа», в Кане Галилейской, я сам был на свадьбе, был незримо, это видно по тексту поэмы. Ты мог бы задать вопрос: тебя же видели, подала невеста сама тебе, земному поэту, чашу. Разумеется, во имя Христа. Это значит, что поэт узрел Бога. А ты задаешь вопросы о Христе: почему? Христос везде присутствует в этих поэмах, пронизывает все пространство.

В поэме «Сошествие во Ад» главное, как ясно из названия, – это шествие по Аду. Это сюжет древний. Начинается с

древних эпосов. Ходили в царство мертвых и в античной мифологии. Потом в поэме Вергилия «Энеида», которую взял за образец Данте. Мы сейчас будем говорить о поэме «Сошествие во Ад», но все мои христианские поэмы связаны и пересекаются.

– Верить ли ты сам в свое сошествие в Ад – пусть и неким поэтическим воображением? – Это все действительно было! Поэт сошел в Ад. Если это литературный прием, то поэме моей грош цена. Грош цена была бы и поэме Данте. Но никто же его не попрекнул!

– А был ли диалог с Данте?

– Нет у меня никакого диалога. Поэма Данте – это вода в форме льда. Вода может быть паром, облаком, льдом, жидкостью и так далее. И он испарился вместе со льдом.

– В чем же твоя творческая задача?

– Это вопрос на 50 лет вперед.

– А почему ты поместил в Ад Павлика Морозова? Он же мальчик, ребенок.

– Он предатель, так же как и Мазепа, так же как и Курбский, вот и всё. Он предал своего отца.

– Ты говоришь об отношении человека к Богу и его ответственности перед Богом. Какова она?

– Как перед Богом Сталин или Ленин, Троцкий и прочие, как они все себя перед Богом чувствуют? Так же и Шекспир или кто угодно. Они все в Его власти, все отвечают перед Ним за свои действия и поступки. Самое худшее – это предательство Бога, это дух иудейский. Потому что сам Иуда – он же предал Христа во имя Закона, который как раз отверг своей благодатью Христос.

– В каком смысле ты говоришь «скоро вы будете вместе со мною в Раю»? Ты сам будешь в Раю, как временный спутник Христа? Как герой будущей поэмы о Рае? Или

же прозреваешь самого себя в Раю?

– Я попал в Ад по своему поэтическому желанию, а задавать вопрос о Рае преждевременно. Говорить о Рае я не буду. Моя поэма о Рае еще не написана.

– А как же Иван Грозный тебе говорит: «Будешь в Раю, передай ей платок в знак свиданья»?

– Это уже дело Ивана Грозного. Его мнение. Его интуиция. Может быть, он уже предчувствовал. Если человек попал живой в Рай и на него не действует наказание, то это какой-то особый человек. А в Аду я бывал. Сначала поэт варился в огне, в печи, как у нас традиционно считают, а потом мы на тучу вдвоем с Ним зашли и уже затем туча отправилась в Рай. Меня взяли как бы с оказией. Бог всех правед-

Было полбеда, а теперь кругом беда. Много буржуинов да мало наших. В поле пули тучами, по отрядам снаряды тысячами...»

«В поле пули тучами» – разве перед нами не поэзия высшей пробы? Есть упоение в бою – о том же примерно. И точнее про Гайдара не скажешь, по-моему.

А глянешь сейчас вокруг – и страшно становится: много буржуинов, да мало наших. Гайдаров на них нет.

ИГ Ex libris (прил. к Независимой) – 2004. – РР ЯНВ. – С. 1-2

Владимир Бондаренко и Юрий Кузнецов.

Фото из архива Владимира Бондаренко

В жанре прозы изображение Рая невозможно

ников, всех, кого он простил, отправляет в Рай. Но то, что сейчас души находятся в Раю или в Аду, – это еще не окончательно. Когда будет Страшный Суд и грешники все предстанут как бы заново, кому-то простятся грехи, если молились за него на земле. Потом уже будет Рай окончательный.

– Не окажется ли твой «Рай» вторым томом «Мертвых душ» Гоголя?

прозы – это, скажем, капитан Тушин у Льва Толстого, то есть слияние с реальными ощущениями жизни.

А что касается поэтической реальности в прозе... Возьмем изображение Христа в романе Михаила Булгакова. Никак он не смог дать средствами прозы образ Христа – Богочеловека. И он дал нам в романе Христа просто как человека. Ренановская ересь! **ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2**